

Вышел сборник памяти Юджина Дубнова с моими воспоминаниями о Дубнове, изуродованными до неузнаваемости. Сборник напечатан в городе с переменчивым именем на берегах Невы, в издательстве Алётейя. Ни в этот город, с которым я не знаюсь, ни тем более этому издательству, запятнанному политическим приспособленчеством, моя статья не предназначалась. Составительница Л. Гринберг в сотрудничестве с издательством фальсифицировали мои воспоминания: исказили не только мой писательский стиль, но и стиль Дубнова, и самый его облик, надругались над памятью писателя. К названию моего текста сделано примечание: «Статья публикуется с незначительными сокращениями». Это ложь: сокращения и другие вмешательства настолько значительны, что я не считаю эту публикацию моею, отказываюсь от неё. Моё имя стоит над статьёй по пиратскому произволу непрошенных редакторов. Всё существенное из статьи выброшено. Но и десятой доли второстепенных поправок, мещанских по своей сути, я бы не принял. Меня в этом сборнике нет.

Алётейя на языке эллинов означает Истина, но я не в первый раз убеждаюсь, что настоящее имя этому издательству — Атимия (Ложь, Бесчестье, Мошенничество). В 2016 году мне пришлось снять мою вступительную статью к собранию сочинений Бориса Хазанова, когда тамошний холуй-редактор потребовал смягчить мою характеристику страны с переменчивым именем. На этот раз такого же рода изменение было без спросу внесено в документ, который я цитировал.

В приемлемом виде мои воспоминания о Дубнове были напечатаны в американском сетевом журнале. Большого значения я им не придавал — теперь придаю.

19 сентября 2021,
Боремвуд.

Юрий Колкер

ОН БЫЛ НЕОБЫЧАЕН

К портрету Юджина Дубнова (1949-2019)

В Израиле не удивляешься ничему, никому. Что ни человек, то судьба и особенность. Представлено всё мыслимое, да сверх того и всё немислимое. Но Дубнов всё-таки удивил меня.

В 1986 году, в Иерусалиме, при первом знакомстве он вручил мне книгу своих стихов и просил о ней высказаться. Я прочёл книгу с дотошностью и с карандашом, раскритиковал её в пух и прах (с позиций очень узких, ригористических) и только что не сказал Дубнову в глаза, что он бездарен. Как ведут себя в таком случае нормальные стихотворцы, имя же им легион? В лучшем случае — поджимают губы и уходят, в худшем пускаются в крик, орут по русскому обыкновению:

— Сам дурак! Ты старушку топором зарубил! —

и в обоих случаях критик наживает себе врага на всю жизнь.

Дубнов повёл себя иначе.

— А ты напиши всё это и напечатай, — попросил он.

Тут я понял, что передо мною — европеец.

Нужно ли говорить, что отрицательный отзыв лучше нулевого? Молчание в ответ на твои мечты и думы — непереносимо. Но отрицательный отзыв, пусть самый резкий, лучше и положительного, который в девяти случаях из десяти пишется теперь по дружбе, по подказке, а то и прямо из той или иной корысти. Зато уж отрицательный отзыв либо вовсе бескорыстен, либо продиктован мстостью, означает сведение счётов; его прочтут, а положительный читать не станут; разгромной критике не поверят, имя раскритикованного автора запомнят, захотят сами прочесть написанное им. Дубнов, долго живший в Британии, всё это прекрасно понимал.

Не понравились мне в стихах Дубнова две вещи: отсутствие школы и расслабленность. Сам я прошёл жестокую выучку в ленинградских литературных кружках, в частности, у таких наставников, как Глеб Семёнов и Александр Кушнер. Это было моё второе высшее образование, получше московского литературного института. Тогдашнее отношение нормальных людей к советской подцензурной поэзии объяснять не нужно, но в одном эта жалкая поэзия выгодно отличалась от полуподпольной, захлестнувшей Москву и Ленинград: она, в лучших своих образцах, помнила о пушкинской композиционной стройности. Вторая же литература выдавала невладение формой и расхлябанность за вожденную свободу, не понимая, что свобода возможна только в рамках закона. Пол-Москвы и пол-Ленинграда — толпы вольноотпущенников — писали под обэриутов; машинописные сборники кишели дешёвым оригинальничанием. Чем небрежнее был текст, тем больше его автор выпячивал грудь. Даже и в смысле талантов независимая литература едва ли превосходила субсидированную; это были сообщающиеся сосуды. (Типичным продуктом этой среды в Израиле был Михаил Генделев, с дарованием робким, дюжинным, не писательским, а читательским.) И вот в стихах Дубнова я в 1986 году увидел всё худшее, чем грешила неподцензурная поэзия.

В 1986 году я был в Израиле нов и совершенно о динок в моих эстетических убеждениях. Все вокруг были правыми в политике и левыми в эстетике, я же во всяком случае оставался последователен: и там, и тут открыто называл себя правым, консерватором, ретроградом. От такого признания шарахались. О моём ригоризме уже сказано; он поневоле пошёл на убыль. Чуть оглядевшись, я увидел в русском зарубежье таких монстров от стихоплётства, что стихи Дубнова начали казаться мне хорошими.

Поразило меня в Дубнове и то, что он писал ещё и по-английски. Сочинять стихи на выученном языке представлялось мне дикостью. С родным-то языком споришь всю жизнь, выясняешь отношения, как с лукавой возлюбленной, без которой жить нельзя, — как же можно надеяться пережить подлинное слияние с той, что других любила сильнее, чем тебя? Обнимай ей ноги, угождай, засыпай цветами — она всё равно будет смотреть в сторону Колриджа и Китса. Проза — тут другой разговор, тут у безумца ещё есть какие-то шансы, нарративный элемент и занимательность фабулы выручат... но ведь и тут невозможно забыть приговор Киплинга Джозефу Конраду: «по слогу — он лучший из нас, а всё равно читается как переводной автор». Ведь и сегодня любая статья о Конраде начинается словами *English writer of Polish descent*... Но сама эта дерзкая попытка Дубнова войти в английскую литературу, величайшую и самую богатую из мировых литератур, вызывала не только оторопь, но и почтительное удивление, даже восхищение.

Дружбы между Дубновым и мною в 1980-е годы не возникло. Вскоре мы оказались в разных странах. Дубнов, любивший Англию и превосходно владевший английским, осел в Израиле; меня, любившего Израиль, поиски работы привели, с моим плохим английским, в Лондон.

Не могу вспомнить, когда и где началась наша с Дубновым взаимная симпатия, выразившаяся не в тесной дружбе, а скорее в приятельстве. Условно отношу это к концу 1990-х. Как часто бывает, нас сблизила непохожесть. Дубнов был по-богемному беспечен; всё сколько-нибудь упорядоченное ему претило, отвергалось им как пошлая проза жизни. Как раз неумение подчинить себя требованиям необходимости помешало ему закрепиться в

Британии, чего он очень хотел. Вот типичная ситуация с его слов: ему в Лондоне приносят заказ, срочный денежный перевод, он смотрит в текст, видит там что-то техническое, ненавистно-рациональное, и, несмотря на полное безденежье, от работы отказывается, — «Я лучше стихотворение напишу!». Привлекательный стиль поведения, что и говорить. Так и должен вести себя настоящий поэт... но, может быть, не в нашу глухую к слову эпоху, когда поэзия агонизирует.

Однако сближает и общее. Дубнов обладал прекрасным чувством юмора, умением от души посмеяться. Пожалуй, это и легло в основу нашего приятельства. Встречаясь в Израиле или в Лондоне, мы балагурили, резвились, дурачились, дразнили друг друга и, случалось, хохотали до упаду. Именно такой была наша последняя встреча 15 августа 2015 года в Риджентс-парке.

Наконец, и его любовь к животным сблизила нас. Сам Дубнов по отсутствию денег нередко ходил в Иерусалиме в бесплатную столовую для бедных на улице Агриппы, но при этом он кормил всех бездомных кошек на улице Шмуэля-а-нагида, которые каждое утро стекались к его нищенской квартирке с гордой надписью Amber College (Янтарная школа) на входной двери и к его балкону (первого этажа, ниже уровня тротуара).

В 2009 году я сделал для Дубнова веб-сайт в бесплатном сетевом пространстве: русский, литературный, с образцами его прозы, портретами и *отзывами* о его стихах (стихи свои Дубнов помещать в сеть не хотел, боялся плагиата, чудак). Сделал я этот сайт бесплатно и даже без просьбы со стороны Дубнова. Я тогда только осваивал эту скучноватую технику, впервые столкнулся с языком HTML и, в порядке упражнения, делал сайты моим друзьям и знакомым. Затем, уже по просьбе Дубнова, я сконструировал ему сайт рекламный, о его школе английского языка Amber College, где он был единственным преподавателем, и тоже денег с него за эту работу не спросил (<http://amber-college.narod.ru/>). Оба сайта потом перекраивались годами.

Пятнадцатого февраля 2009 года я пишу Дубнову из Хартфордшира в Иерусалим:

Мне кажется, я поэму создал: eugene-dubnov.narod.ru Но линки пока не работают, не тыкай в них...

Это была первая из более чем четырёхсот сохранившихся электронных записок, которыми мы с Дубновым обменялись в течение последних десяти лет его жизни. Более ранние пропали. (Сайт с именем eugene-dubnov.narod.ru был почему-то заброшен, вместо него в том же 2009 году я развернул для Дубнова другой: e-dubnov.narod.ru.)

Дубнов ответил мне 17 февраля 2009:

юрейший, спасибейшее Тебе спасибо, я тебе завтра пришлю добавку к этому сайту - курсы, к-рые я преподавал, поэтому надо будет сделать только 2 линка: publications and broadcasts - и teaching experience (и перед этим последним дать фотку на фоне ун-та, к-рая в моем амбер колледже). я хочу этот сайт передать программисту, к-рый поставит его на Гугл (за деньги: только Ты один, Благороднейший из Благороднейших, делаешь

все абсолютно бескорыстно). Картинку убери, они излишняя. Перечитал Твою статью: очень впечатляет [не помню, о какой статье речь, — Ю. К.]. Ваш штукатур.

Как будет видно из дальнейшего, моё бескорыстие тут несколько преувеличено. В оправдание себе скажу, что хоть бескорыстие присуще именно беднякам, но им тоже кормиться нужно.

Кто сделал Дубнову сайт <http://www.eugenedubnov.co.uk/>, я не знаю. Есть в нём элементы из сайта, сделанного мною, заимствованные, разумеется, с моего разрешения. Сайт моей работы, примитивный, что и говорить, да и не вполне законченный (законченных сайтов вообще не бывает), существует в руинах до сих пор (в 2020 году): <http://e-dubnov.narod.ru/>.

Дубнов тоже помогал мне: несколько раз читал с поправками небольшие английские тексты, написанные мною для заработка. В 2006 году мне взбрело в голову написать по-английски и напечатать статью о новой России ([Are they back to Europe?](#)). Текст на вычитку я послал Дубнову и, разумеется, с благодарностью принял его замечания. В 2010 он вспомнил об этом. Вот его записка ко мне от 30 марта 2010 года:

Предложи то, что у тебя на английском, редакторше этого журнала - ehodges@stpetersburgreview.com - Elizabeth Hodges. Сошлись на меня. Сделай это через месяц: у них сейчас выходит номер, и там сумасшедший дом. Я бы предложил ту статью, где я тебе оказал скромную услугу с английским. Журнал престижный; я там печатаюсь. Если тебе нужно, чтобы я посмотрел на что-нибудь еще на английском, рад буду это сделать. Помни только, что я порой по два-три дня не подхожу к компьютеру (когда совсем уж тошно) и делай на это поправку. Восемь месяцев боролся с министерством здравоохранения, написал массу писем во все инстанции, включая министру, и все на иврите, но сейчас складываю оружие. Плетью обуха не перешибешь. А ты говоришь утром за компьютер писать нетленку. Какой компьютер, какая нетленка.

Листаю дальше нашу переписку с Дубновым — и вижу, что передо мною что-то вроде его дневника, рисующего его жизнь и характер лучше любых моих рассуждений. Читаю — и слышу его голос. Отчего не выписать эти живые и достоверные свидетельства как они есть, без приглаживаний? Вот его записка от 26 апреля 2010 года:

я обратился в Еврейское агентство в поисках работы (совсем уж худо финансово, как понимаешь, если я к ним пошел), и они наверняка поищут [пошлют?] меня.

В апреле 2010 года моя жена Таня перенесла тяжёлую операцию, и мне, естественно, приходилось ухаживать за нею после её возвращения из больницы. Я пишу об этом Дубнову в духе установившейся у нас манеры с лихостью и полусерьёзно говорить и о пустяках, и о самом серьёзном: «Ты когда-нибудь надевал женщинам носки? Что? Только снимал? То-то

же!» Он отвечает 27 апреля 2010 года:

Если бы снимал - я был бы уже ректором и лауреатом Нобелевской премии. Ты, счастливчик, не понимаешь, что такое инфантильность: я влюблялся в юных дев, которые только показывали носочек, дразня, а до снимания и не допускали. А уж если допустят, то как только снимешь и распалишься (здоровый неудовлетворенный самец!), убегут. Что ты думаешь, зря у меня нервные срывы были и алкоголь, зря я продал квартиру с садиком на самой Темзе? Я - жертва, мне надо сострадать, а ты торгуешься, набивая свои акынские цены!

«Акынских цен» я не набивал. Дубнов просил меня перевести его рассказ с английского на русский, я отнекивался, рассказ мне не нравился, и самая идея перевода казалась неправильной, вздорной. Я писал ему: переведи сам, ведь русский для тебя родной, а я за спасибо наведу стилистику, если ты в себе не уверен. Дубнов настаивал. Тогда я сказал: заплати мне за два рабочих дня, и я переведу, я ведь на пособия сижу, мне тоже кормиться надо. Это была отговорка, понятно. Я знал, что заплатить он не может.

А вот его записка от 14 мая 2010 года с экскурсом в его прошлое:

Отец, я подозреваю, что на мне делаются миллионы, и мне нужен твой совет как специалиста по русским делам. Будучи студентом в Израиле, я подрабатывал переводами детективов. Они сериализовались в журналах, к-рые мгновенно раскупались. Самым успешным был детектив Джеймса Хэдли Чейза *The Sucker Punch* [у Дубнова нет кавычек, и они, разумеется, не нужны], переведенный мной как *Молокосос* [то же самое]: незнакомые люди, услышав мою фамилию, спрашивали, что будет в следующем эпизоде. Не так давно я случайно наткнулся в магазине на свой перевод, изданный в Америке, под названием *Путь к богатству* [то же самое] и без имени переводчика. Я написал им, но ответа не получил, как и подозревал: там не было названия издательства, а только адрес типографии. Чейз сейчас очень популярен в России, и я нашел на яндексе [у Дубнова со строчной буквы] два сайта, продающие его роман *Путь к богатству* [у Дубнова нет кавычек, и они, разумеется, не нужны]. Что бы ты делал? В одном сайте есть адрес, это издательство, выпустившее три десятка томов Чейза. Я зашел тут в магазин и увидел, что ни в одном томе они не ставят фамилии переводчика. Но кому-то они же платят, даже если без имени! М.б. как минимум обнародовать, пустить по сети этот факт кражи? Я же работал, и перевод хороший! Не помог бы ты мне пустить это в какой-нибудь Форум?

Этот рассказ, конечно, меня огорчил, а просьба позабавила. Никогда я не был «специалистом по русским делам», никогда не участвовал ни в одном «форуме»; а в 2009 году даже написал итоговую автобиографию и прекратил публиковаться, как мне казалось, навсегда.

Я тотчас ответил Дуброву:

Женя, я закрыл лавочку – и как раз потому, что не хочу иметь с русскими никаких дел и ничего общего. Даже до закрытия лавочки я не знал бы, что тебе посоветовать. В России кто не вор, тот убийца, и оба безумцы. (После убийства Качинского я уверился, что в Кремле сидят не только уголовники, но и сумасшедшие, ведущие дело к войне.) По-моему, ничего ты не докажешь и не получишь.

Живя в Израиле, Дубнов сохранял право на постоянное жительство в Британии. Вот записка от 15 августа 2010, где он упоминает об этом:

Отец, этим летом у меня не получается приехать: денег нет. Следующим обязательно приеду - иначе я теряю право на ПМЖ (нельзя отсутствовать больше двух лет) - и, если денежная ситуация не улучшится, проверю, что мне дадут как безработному в качестве социального жилья. (...)

Заканчиваю свой роман: жалко, что я поторопился разослать его в первом варианте - сейчас он вдвое длиннее и в сто раз лучше.

(...) Я стихов тоже не пишу - не знаю, писались бы или нет, но я себе не позволяю. У меня вопрос финансового выживания, и я все время отдаю роману.

Не помню, о каком романе Дубнова идёт тут речь. Знаю с его слов, что его напечатанные воспоминания (*Never Out of Reach*, 2015) очень сильно беллетризованы; и что его большое сочинение в прозе осталось неопубликованным в столе британского литературного агента.

В молодости Дубнов был религиозен. Вот что он пишет мне в связи с этим 5 сентября 2010 года:

Я тебе снова завидую (белейшей из завистей). И не таланту твоему, как ты спешишь подумать, и даже не тому, что королева тебя с рук кормит (я тоже кормился), а - никогда не догадаешься - твоей антисентиментальности в вопросах религии. Я только-только пришел к агностицизму, а уже колеблюсь между ним и твоим любимым атеизмом. Хабад, в котором я провел столько лет - о моей полуторачасовой аудиенции у Ребе, когда мне было 20 лет, писали в газетах - сейчас ждет его воскрешения и поклоняется его креслу. (...) А обязан ты всем Тане. (Но и себе, разумеется, потому что ты ее выбрал - а я гонялся за дурочками).

В сентябре 2010 года я оказался на берегах Невы, где меня застало письмо от Дубнова с очередной просьбой о переводе его прозы. Узнав, где я, он откликнулся так:

Страдалец-мазохист! Отпиши, если вернешься живым. Пока отстрелива-

ли журналистов, но скоро начнут и поэтов.

Спустя несколько дней он пишет:

Рад тебя обонять живым. Как Таня? Отец, живехонький, я этому рад больше всех других, ибо никто, кроме тебя, на сможет перевести прилагаемого (этот рассказ - скорее поэтическая проза - был только что напечатан в канадском журнале *Scipsi* и принят к публикации еще двумя, американским и австралийским изданиями). А я в долгу не останусь...

Рассказ Дубнова я переводить не стал.

Не раз и не два мы спорили с Дубновым о классиках прошлого, в частности, о Шекспире. Я утверждал, что Шекспир в *Макбете* и в *Кориолане* совершенно разный, как Гомер — в *Илиаде* и *Одиссее* (что и там, и тут — два человека, два разных автора); что *Кориолана* и *Бурю* нельзя ни прочесть, ни поставить, — столь всё там неестественно и нелепо. Дубнов горячился, уверял, что *Буря* написана божественными стихами. Я тоже горячился, упрекал его, что он повторяет общее место общими словами (сейчас я думаю, что похвальные общие слова — о ткани текста *Бури* — недалеко от истины, а вместе с тем и от моего суждения не отказываюсь: искусственность и надуманность *Бури* — чисто средневековые). Но чаще великие имена всплывали у нас в контексте бытовом, денежном, точнее — безденежном, ведь мы оба бедствовали. Вот что Дубнов пишет мне 9 октября 2010 года:

Шекспир зарабатывал и все писал на потребу (взошел первый шотландский король - написал "Макбет", обвинили врача королевы - португальского еврея - в попытке отравления - написал "Венецианского купца"), а Пушкин, как ты лучше знаешь, жил на царском пособии. Хочу быть либо таким, либо другим...

Разговор о деньгах и о стихах не прекращался у нас и дальше. Пятого декабря 2010 года Дубнов пишет, подтверждая уже сказанное:

Я вообще вот уже четыре года как запрещаю себе писать стихи, т.к. мне нужны деньги.

Одиннадцатого марта 2011 года, перед моей поездкой в Америку, я получил от Дубнова такую записку:

Отец, просьба. Привези мне американские марки авиа-письма в Израиль, я тебе верну деньги здесь. Одна марка должна стоить около доллара. Чем больше, тем лучше, до ста марок. Объясню, зачем, чтобы не подумал, что я не поемши завтрак с голоду помешался. Посылая свои творчества в США, я должен присовокупить обратный адресованный себе конверт ли-

бо с вложенным международным купоном, либо с приклеенной амер. маркой. Купон стоит вдвое дороже.

Надеюсь, подаришь мне сборник своих статей.

Насчет бесед о Всевышнем, тебе придется доказывать его существование, иначе содержательной дискуссии не получится. Я перешел в агностики и стою сейчас где-то на границе атеизма. Вот что делает жизнь с людьми. Привет Тане.

Вот записка Дубнова от 12 февраля 2012 года:

Любезный Колкер, я надеюсь, что сделав зубы, ты не перешел [перестал?] делать мои сайты, к-рые ты в свое время создал мне в обмен на помощь с английским. Я не могу войти ни в один из трех. Яндекс говорит, что такого лог-ин уже нет. Просветли меня.

Я отвечаю в сердцах:

...не в обмен на помощь с английским я сайты тебе делал, а по доброте душевной. Твоя помощь с английским, в переводе на труд и время, не составит и тысячной доли от моей помощи тебе. Что до сайтов, то они усохли. Что не посещается, то исчезает в песках времени...

В моих словах насчёт сайтов нет похвальбы или преувеличения. Сайты я строил Дубнову не блоками, а по кирпичику, сам конструировал каждый элемент; языки HTML и CSS знал хуже, чем Дубнов — английский; эта моя кропотливая работа требовала сосредоточенности и усидчивости, на неё уходили дни.

Переписка наша не была регулярной. Следующая записка, заслуживающая хоть какого-то внимания, относится уже к 11 февраля 2014 года:

Многолюбимейший Колкер (ты жаловался - несправедливо - что я тебя не люблю)! (...) У меня вышел двуязычный сборник в Англии. Ты б тиснул рецензию - положительную (можешь поругать тоже, конечно - скажем, что ленив, утром рано не встаю и в таком роде). Я б тебя полюбил еще страстней. (...) Делался [сборник] в спешке, русский титульный лист отсутствует, опечатки, но такова жизнь. По-русски называется ТЫСЯЧЕ-ЛЕТНИЕ МИНУТЫ.

Я откликаюсь так:

Отец рОдный, я вышел из этого бизнеса. Не пишу и не публикуюсь — напрочь. Потерял интерес. Занимаюсь только своим бранным телом. Похудел на 20 кг, да-да, вешу 71 кг, как в студенческие годы, бегаю, поднимаю гири, а в январе целую неделю катался в савойских Альпах на

ГОРНЫХ лыжах — впервые в жизни. Что мне стишки, да ещё по-русски, на мёртвом языке?!

В ответ Дубнов сетует, что не может похудеть и на два килограмма (13 февраля 2014 года) и добавляет:

Мудрейший и красивейший из молодых мужей! Ты действительно думаешь, что поэзии, которую отпевают уже полвека, пришел окончательный каюк? Зачем же мы старались (а я еще и бедствую по сей день)?
Твой Сам Такой

Подпись Дубнова «твой Сам Такой» — отклик на моё утверждение, что у русских спор непременно переходит на личности, и в ответ на «А равно Б» чаще всего слышишь: «Сам такой!».

Дубнов продолжает просить меня переводить его английскую прозу (15 февраля 2014):

прошу тебя перевести на еще не мертвый язык мой новый рассказ. Он был только что опубликован в журнале *American Letters and Commentary*. Лучше тебя этого никто не сделает.

Я продолжаю отказываться.

Любопытные вещи Дубнов пишет мне 2 сентября 2015 (записка №165):

Относительно бедных, которые никогда не переведутся на Святой Земле, см. Второзаконие 15:11. Можешь в оригинале, иврит там простой. Это не Иисус, а Ветхий Завет. Вообще меня восхищает тенденция все украденное оттуда ему приписывать. Например, везде, включая официальный сайт Собора Св. Павла в Лондоне, цитируется фраза из Исаяи "Дом мой назовется Домом Молитвы всех народов" под авторством того же Иисуса. То же со знаменитой цитатой "Возлюби ближнего, как самого себя". Я, идя твоим атеистическим путем и вдобавок ссылаясь на Барда, сказал бы, что пусть эти заветы разбираются меж собой и катятся куда подальше, но тем не менее ответственность пишущего - вернуться к первоисточнику.

Прозу Дубнова я так и не стал переводить, а вот некоторые стихи, после долгих колебаний, перевёл, притом — за вознаграждение, поскольку на эту работу ушли недели. Естественно, мы с Дубновым пререкались чуть ли не из-за каждой строки; он мне кричал (в электронных записках): «Я же современный поэт!», на что я кричал в ответ: «Тогда не суйся ко мне! Ты ведь знаешь, что я ретроград. "Современный поэт" — противоречие в терминах. Нет и никогда не было современного искусства и современных художников...»

Итог пререканий — стихи Дубнова в моём переводе — опубликован в альманахе *Кедр*, №5, Иерусалим, 2000, стр. 83-86.

Включал Дубнов эти переводы и в свои сборники, причём они, переводы, удостоились похвалы Кушнера. Что касается меня, то спустя годы я основательно переделал цикл *Осень в Англии*, перестроил в соответствии с моими ретроградными соображениями, и в этой новой

редакции включил в мою, условно говоря, книгу, отпечатанную в Британии в количестве тридцати экземпляров. Авторизовал я эту версию столь сильно, что Дубнов тут оказался почти ни при чём, и я поставил над стихотворением только его английские инициалы: «из Е. Д.».

Здесь к месту сказать о том, как я — в отличие от Дубнова — понимал и понимаю перевод. Понимаю я его так, что переводить стихи нельзя... а что переводы были, есть и будут — так это суета сует... а что есть и будут переводы прекрасные — так это потому, что в мире возможны чудеса. Кажется, я косноязычно пересказываю мысль Маршака или чью-то ещё более старую, но ведь истина не тускнеет от повторения. Добавлю, впрочем, к этой старой истине и нечто своё: переводить живущих поэтов ещё и некорректно...

Продолжаю мой спор с тем, кто уже не может возразить.

Чудо удачного перевода случается вот когда: переводчик должен не уступать автору в даровании или хотя бы в душевном подъёме, проникнуться духом оригинала, *отбросить слова оригинала* (дословный перевод даже и прозу искажает) и воспроизвести стихи в своём языке своими словами. Это будут другие стихи, где Шекспир или Гомер — только печка, от которой танцуешь. Настоящий душевный подъём, настоящее вдохновение при переводе — возможны только над стихами давно умерших поэтов, овеванных заслуженной славой, волнующих твоё воображение. О современниках мы ничего толком не знаем, чистого вдохновения они вызвать не могут. «Живущий — несравним...» «Меж нас не ведает поэт, высок полёт его иль нет, велика ль творческая дума...»

Стихи потому непереводимы (твердил я Дубнову), что в них нет сообщения. Поэт изображает звуком, ритмом и смыслом, слитыми в одно нерасчленимое целое. Разумеется, этот слиток — тоже сообщение, но очень далёкое от безукоризненно переводимого *дважды два четыре*. При переходе в другой язык меняются не только звук и ритм, но и смысл не передаётся буквально; слова *стол* и *table* — не синонимы.

Сам я, противореча себе, переводил, хоть и мало: с английского, немецкого и идиша — уступая просьбам других, с испанского — для себя. Три раза в своей жизни я слышал от носителей языка оригинала, что мой перевод лучше оригинала, — и три раза я в ответ пожимал плечами: тут нет соревнования! Оригинал — только отправная точка *моего* стихотворения, где звук, ритм и смысл — мои. Даже имя поэта никогда не передаётся в другом языке так, чтобы оно не оскорбило уха носителей языка... Да-да, переводить живущих — суета сует, ярмарка тщеславия для тех, кто хочет видеть себя переведённым (Дубнов с этим не соглашался). Моё стихотворение в другом языке — не моё стихотворение...

...Это моё сочинение вряд ли пришлось бы Дубнову по душе. Неказистый вышел памятник. Славословия не получилось... Заканчиваю тем, с чего начал: Дубнов был необычаен в русской литературе своего века, ни на кого не похож стилем своего литературного поведения, своими представлениями и ориентирами, — оттого и остался в стороне и в одиночестве. Невероятно, но факт: русский поэт поколения Дубнова, живущий в Иерусалиме, в получасе езды на тридцатом автобусе от улицы Шмуэля-а-нагида, где жил Дубнов, говорил мне, что никогда не слышал имени Дубнова... Наоборот, в английской литературе, да и в израильской, — Дубнов как раз обычаен (использую симпатичное слово князя Петра Вяземского, старшего товарища Пушкина). Опыт, поставленный Дубновым над собою всею его

жизнью, — во-первых, художественное произведение, готовая повесть, ждущая повествователя, во-вторых — наше общее культурное достояние. Над этим опытом очень следует задуматься.

Обе статьи о Дубнове в Википедии, по-русски и по-английски, написаны мною.

А что Дубнов в мой Пантеон не попадает, так ведь и меня в этом Пантеоне *не стояло*...

26.03.20,
Боремвуд